

ЛАМАРТИН И ТУРГЕНЕВ

В вопросе о том, как сложилась европейская репутация И. С. Тургенева, еще очень много темных мест. Статья М. К. Клемана «„Записки охотника“ и французская публицистика 1854 г.» раскрыла один из этапов в истории ознакомления с Тургеневым во Франции, но осветила его не до конца. М. К. Клеман остановился на нескольких публицистических очерках, появившихся в парижских журналах и газетах 1854 года по поводу первого французского перевода «Записок охотника», сделанного Э. Шаррьером, доказал их сугубо тенденциозный характер и установил, что протест самого Тургенева против перевода Шаррьера, напечатанный им в «Journal de St. Petersburg» 10 (22) августа 1854 года, № 475 (и тотчас же перепечатанный в «С.-Петербургских ведомостях» и «Отечественных записках»), вызван был не столько литературной неудовлетворительностью этого перевода, сколько теми политическими выводами, которые извлекла из «Записок охотника» французская критика и публицистика в острый момент начинавшейся Крымской войны.¹

Однако статьи Ф. Морнана, Ипполита Риго и Леона де Вайи, попавшие в одно русло с антирусскими памфлетами военного 1854 года, имевшими сугубо тенденциозные цели, быстро потонули в мутных волнах злободневной газетной клеветы на Россию и, в сущности, имели лишь случайное отношение к Тургеневу; они воспользовались только что вышедшим переводом «Записок охотника» лишь для того, чтобы провозгласить несколько отрицательных суждений о русском правительстве, дворянстве, социально-политической жизни. Их не интересовал еще сам Тургенев.

В тех же 1854 и 1855 годах французская публицистика с совершенно аналогичными намерениями оживленно обсуждала сочинения Гоголя и В. А. Соллогуба, призывая к знакомству с произведениями русской

¹ Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 305—314.

литературы не как с памятниками искусства, но как с документами, имеющими прежде всего острый политический интерес. Среди всех этих статей, возникших вокруг шаррьеровского перевода «Записок охотника», которые едва ли могли способствовать укреплению популярности Тургенева среди французских читателей, большее значение именно в этом отношении могла иметь одна статья того же 1854 года — и по имени своего автора, и благодаря нескольким тонким замечаниям подлинного художника, сделанным в ней о Тургеневе как писателе. Но как раз эта статья осталась неизвестной М. К. Клеману и, во всяком случае, им не упоминается. Речь идет о статье Барбе д'Оревиля «*Tourguéneff*», впоследствии вошедшей в томик его критических статей в серии «*Les oeuvres et les hommes*».¹

Барбе д'Оревиля, по тому же искажающему подлинный текст «Записок охотника» переводу Шаррьера и вопреки своей враждебности к русскому слову, все же угадал в молодом Тургеневе будущего крупного писателя европейского значения. Его поразили в «Записках охотника» мастерство портретиста и, в особенности, пейзажи северной русской природы, полные описательной силы и лирического напряжения. По его мнению, чтобы иметь успех, переводчику не было необходимости адресоваться к общественному чувству, якобы «раненному» в то время Россией, потому что этот успех все равно пришел бы сам собой и без злободневного повода.

Но Барбе д'Оревиля, в сущности, никогда не пользовался во Франции авторитетом как критик, в особенности при своей жизни; резкий и подчас парадоксальный в своих суждениях, он упрямо отстаивал свои романтические позиции в период утверждения реалистической эстетики и свои католические симпатии в век позитивистической морали. Когда его статья о Тургеневе извлечена была из запыленных газетных столбцов 1854 года и перепечатана в томике его критических статей, она несомненно звучала для французских читателей как очевидный и досадный анахронизм: уже за много лет перед тем И. Тэн назвал Тургенева одним из самых безупречных художников XIX века, Э. Ренан отдал должное его идейной глубине, а учениками его в том или ином отношении задолго до того признали себя Флобер и Доде, Золя и Мопассан.

Единственной французской статьей 1854 года, получившей длительное значение и, действительно, способствовавшей возбуждению внимания во Франции к молодому русскому писателю, была статья Проспера Мериме. Она была опубликована в «*Revue des Deux Mondes*» (от 1 июля 1854 года), влиятельном толстом журнале, с оценками которого считались в Париже и во всей Европе; кроме того, она принадлежала писателю, имя которого говорило само за себя и который как раз в эти годы завоевывал

¹ Barbey d'Aurevilly, *Tourguéneff*, «*Les oeuvres et les hommes, Littérature étrangère*», Paris, 1890, p. 141—152.

себе во Франции авторитет как переводчик и истолкователь русской литературы.

Правда, и статья Мериме не свободна от тенденциозных построений и преувеличений военного года. Она озаглавлена «Литература и крепостничество в России» и на анализах художественного материала «Записок охотника» стремится показать разложение крепостнического строя в России накануне Крымской войны; тем не менее, Мериме дает высокую оценку «Запискам охотника» как литературному произведению.

С первых строк Мериме предупреждает французского читателя, что эта русская книга — «интересное и поучительное произведение, рассказывающее о многом при своем малом объеме». Мериме пишет далее: «Эти двадцать две жанровые картинки, почти одинаково обрамленные, отличаются искусным разнообразием композиции и тона повествования. Они тщательно обработаны, иногда даже с излишней кропотливостью, и дают в целом очень точное понятие о социальном состоянии России». Мериме сопоставлял Тургенева с Гоголем и в заключение выражал надежду, что литературная деятельность автора «Записок охотника» не прервется на этом удачном опыте. «Я полагаю, — писал он, — что Тургенев, которого я не имею чести знать лично, молодой писатель, и что его „Записки охотника“ являются только прелюдией к более серьезному и более значительному произведению».¹

Статья Мериме впоследствии перепечатывалась несколько раз и не потерялась, подобно фельетонам, названным выше. Когда Тургенев поздней осенью 1856 года приехал в Париж, его уже несколько знали здесь именно как автора «Записок охотника»; в значительной степени это объяснялось лестной оценкой книги, данной Мериме; однако личная, дружеская близость обоих писателей осуществилась значительно позже. Их знакомство состоялось в начале марта 1857 года,² но первоначально оставило их равнодушными друг к другу;³ короткие встречи Мериме с Тургеневым в конце 50-х — начале 60-х годов также не способствовали их сближению.

В тот год своей парижской жизни (1856—1857) Тургенев, как известно, не очень сошелся с французскими писателями. Тотчас по приезде в Париж он намеревался «познакомиться со здешними литераторами», как

¹ P. Mérimée. Etudes de littérature russe. Texte établi et annoté avec une introduction par H. Mongault, Paris, 1931, Vol. 2, p. 231.

² М. Н. Лонгинову Тургенев писал, вскоре после их встречи, что Мериме «похож на свои сочинения: холоден, тонок, изящен, с сильно развитым чувством красоты и меры и с совершенным отсутствием не только какой-нибудь веры, но даже интуизма» («Сборник Пушкинского дома на 1923 г.», П., 1922, стр. 188). Со своей стороны, Мериме, хотя он и популяризировал «Записки охотника» даже в письмах к своим английским друзьям, не пытался ближе познакомиться с их автором. Ср.: М. К. Клейман. Тургенев и П. Мериме, «Литературное наследство», 1937, № 31—32, стр. 707—752.

³ Тургенев и круг «Современника», Л. 1930, стр. 54.

об этом писал и И. И. Панаеву (3 октября 1856 года)¹ и С. Т. Аксакову (1 ноября),² хотя, — прибавлял Тургенев в письме к последнему, — «ни к одному не чувствую симпатии и ничего не ожидаю для себя от этого знакомства: но оно любопытно и может быть поучительно». Когда же случай доставил ему эти знакомства, его первоначальное предубеждение окрепло и утвердилось. В конце декабря того же года в письмах к С. Т. Аксакову и А. И. Герцену Тургенев сообщал о начале своих знакомств с парижскими литераторами, «не со старыми славами, бывшими коноводами..., а с молодыми, передовыми»; «я должен сознаться, — прибавлял он, — что все это крайне мелко, прозаично, пусто и бесталанно».³ Тургеневу представлялось тогда, что «сквозь мелкий гвалт и шум» современной французской поэзии пробивались «голоса устарелых певцов» — «дребезжащие звуки Гюго, хилое хныканье Ламартина»,⁴ но к «старикам» он чувствовал так же мало интереса, как и к литературной молодежи во Франции.

Однако, если личные, дружеские связи Тургенева с парижскими литераторами еще не завязывались, то его «Записки охотника» все же продолжали здесь читать, более спокойно, чем прежде, без тех предвзятых оценок, которые навязаны были французскому общественному мнению в обстановке только что закончившегося военного конфликта с Россией. В. П. Боткин писал Тургеневу из Москвы (29 сентября 1856 года): «на днях гулял с Григоровичем, встретили мы французского актера Вернэ, только вернувшегося из Парижа. Он объявил, что ему Дюма с братиею поручили передать тебе тысячу любезностей за твои „Записки охотника“ которые все они читали с великим удовольствием».⁵

Лучшим свидетельством того, что злободневная французская интерпретация «Записок охотника» военных лет не повредила дальнейшему, более широкому и углубленному вниманию французских читателей к этому произведению, могут служить его дальнейшие переиздания в Париже. Перевод Шаррвера был первоначально опубликован в серии «Bibliothèque

¹ «Вестник Европы», 1894, кн. 2, стр. 496—497.

² Там же, стр. 498; Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену, Женева, 1892, стр. 96—97.

³ «Вестник Европы», стр. 498.

⁴ «Вестник Европы», 1894, кн. 2, стр. 498. Несколько незначительных упоминаний Ламартина есть в анонимном фельетоне «Современника» за 1847 год, приписанном перу Тургенева (см. сб. «Фельетоны сороковых годов», редакция 1930, стр. 240 и сл.). Характерно, что в том же году, в «Парижских письмах», П. В. Анненков весьма резко отзываясь об «общих местах французской поэзии», которые В. Гюго и Ламартином исчерпаны до дна, до последней капли» (Литературные воспоминания, СПб., 1909, стр. 359). Ср. позднейший отзыв Тургенева о Ламартине-поэте: «Les vers de Lamartine sont pâles et monochromes» (J. Halpérine-Kaminsky, Ivan Tourguéneff d'après sa correspondance, p. 80).

⁵ В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка, под ред. Н. А. Бродского, М.—Л., 1930, стр. 93.

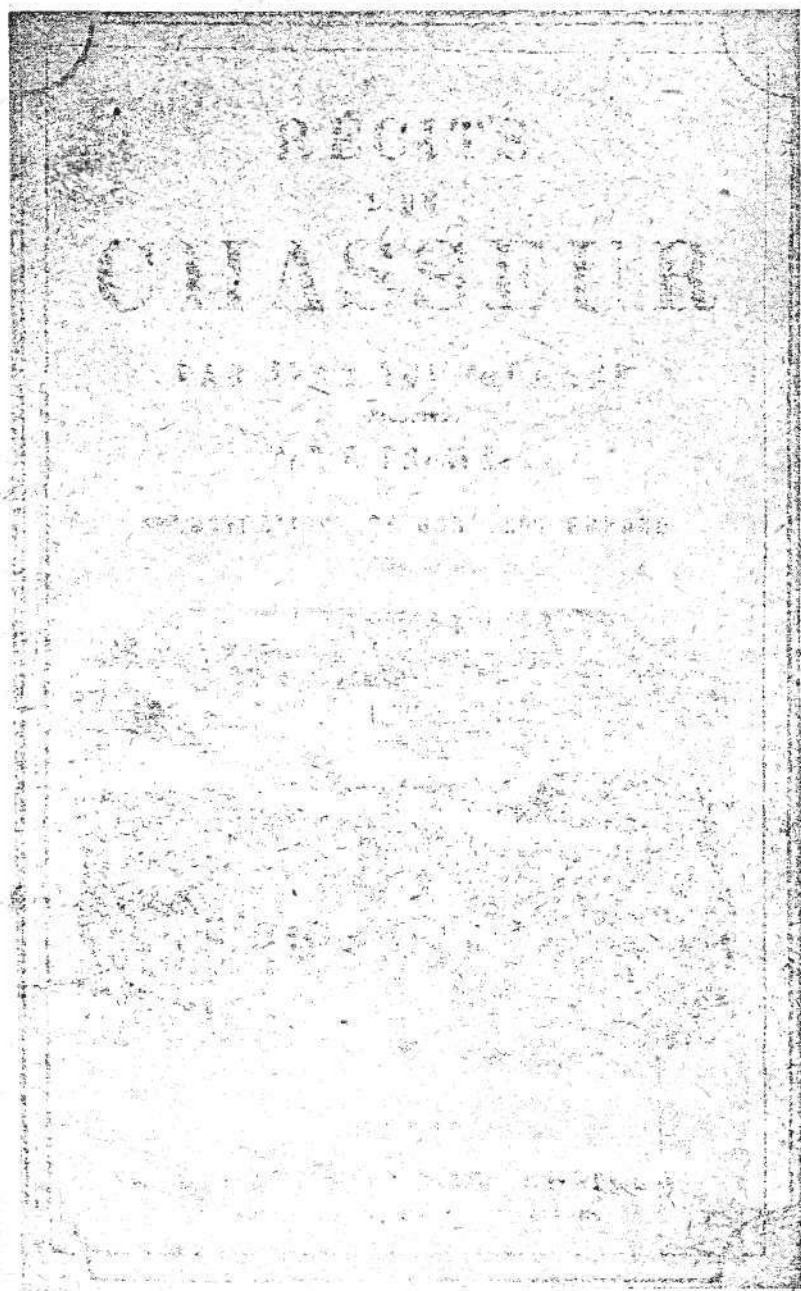
des chemins de fers» под титулом «Mémoires d'un seigneur russe ou Tableau de la situation actuelle des nobles et des paysans dans les provinces russes» (Paris, 1854), причем и имя Тургенева и точное заглавие книги было названо только в предисловии переводчика. Кстати сказать, Барбе д'Оревильи посвятил целую страницу своей статьи выяснению вопроса о том, имеет ли право переводчик по своему произволу менять заглавие переводимой им книги, и совершенно точно определил, какое значение имел на этот раз сочиненный Шаррьером титул. В 1855 году перевод Шаррьера был издан вторично; на этот раз с титула был снят подзаголовок и полностью обозначен автор «M. Ivan Tourguénieff». Наконец, в 1858 году появились два новых перевода: Ипполита Делава, сделанный с ведома Тургенева и с его помощью,¹ изящный, маленький томик, обильно иллюстрированный виньетками Дюрана, с подлинным заглавием, и вслед за ним новый перевод Ксавье Мармье.²

Таким образом, имя Тургенева постепенно натурализовалось во Франции, а его первая удостоившаяся перевода книга завоевывала все больший читательский круг. Через несколько лет уже стало возможным подвести некоторые итоги ее значению и влиянию во французской литературе. Это сделано было в статье, помещенной в «La Gazette du Nord» в номере от 31 марта 1860 года, которая, как мы знаем сейчас, принадлежала Н. И. Сазонову, другу Герцена и участнику его кружка, находившемуся в то время в эмиграции.

«Имя Тургенева, — писал Сазонов, — стало впервые известным во Франции во время гигантского севастопольского конфликта, когда переводчик „Записок охотника“, который знал русский язык весьма приблизительно и путал арапник с арапом, издал этот замечательный сборник под поэтическим названием „Записки русского дворянина“. Сквозь вольные и невольные ошибки перевода публика все-таки разглядела и оценила несомненный талант автора. Сначала его читали, так как надеялись у него найти, доверяясь некоторым объявлениям, „разоблачение русских тайн“, — тех ужасов, которые творились в этой варварской стране, безумной до такой степени, что она решилась противостоять соединенным силам Англии и Франции. Затем в Тургеневе нашли другое — поразительную правдивость в изображении нравов народа, полного нравственной силы и природного ума, увидели воспроизведение картины злоупотреблений крепостного права во всей их безобразной наготе, увидели и близкую возможность освобождения. Книга эта, которая должна была по расчетам сыграть на руку

¹ Recits d'un chasseur, par Ivan Tourguénief, traduit par H. De'aveau... Illustrations de Godefroy Durand, Paris, 1858, 18°, 18 + 560 pp.; ср.: «Библиографические записки» 1858, № 3, стр. 89.

² Scènes de la vie russe par J. Tourguénief. Nouvelles russes traduites avec l'autorisation de l'auteur par M.-X. Marmier, Paris, Lahure, 12 + 332 p.; ср.: «Библиографические записки», 1858, № 7, стр. 218.

«Записки охотника» И. С. Тургенева в переводе Делана.

Титульный лист; Париж, 1858.

кампании, поднятой против России, вместо этого заставляла любить эту страну, освещая ее полным светом, обнаруживая то, что до сих пор было неизвестно, — русский народ, т. е. существо, до тех пор известное лишь поверхностно. Г. Тургенев оказал этим большую услугу своему отечеству». ¹

В этом отзыве чувствуется друг Герцена, впервые назвавшего имя Тургенева во Франции, ² русский публицист, знавший «Записки охотника» в оригинале и их автора; однако приведенная оценка сделана им во французской газете, для французских читателей и, кроме того, она несомненно основана на отчетливых и многолетних парижских впечатлениях. Ближе к Тургеневу, связанный с французскими журналистскими кругами, Сазонов имел возможность наблюдать, как постепенно менялось отношение к Тургеневу во Франции, как увеличивалось к нему здесь внимание, какую эволюцию, наконец, прошли «Записки охотника» в сознании французских читателей. Он прекрасно понимал, что, сыграв роль острого политического памфлета, «Записки охотника» превратились здесь, в конце концов, в образцовое произведение иностранной литературы, которое молодые французские литераторы готовы были поднять на щит как своего рода манифест реалистической школы. Он не мог не знать, что тонкий теоретик нового литературного направления, Шанфлери, подбирая в предисловии к своему сборнику «*Le Réalisme*» (1857) имена писателей реалистов, называл Тургенева в одном ряду с Диккенсом, Теккереем, Шарлоттой Бронте и И. Готгельфом. В 1860 году, в тот же год, когда писалась статья Сазонова, тот же Шанфлери, как известно, приглашал Тургенева к участию в намерявшемся им к изданию программном журнале.

Тем не менее, начавшееся сближение Тургенева с французскими литераторами, по его собственным словам, — «не со старыми славами, бывшими коноводами . . ., а с молодыми, передовыми», — не могло обеспечить ему ни настоящей популярности, ни достаточного авторитета во французских литературных кругах. Его могли читать, но это не означало еще полного признания. Литературная молодежь могла числить его среди крупнейших иностранных писателей современности, но это не давало ему еще полного гражданства во французской литературе. Довольно большое количество статей о «Записках охотника» в первом шаррьеровском издании, как мы видели, объяснялось обнаруженным к ним политическим интересом. Дальнейшие издания книги — того же Шаррьера, Делава, Мармье — глухо отмечены были французской печатью и не вызвали ни одной сколько-нибудь заметной по имени рецензента или по существу критической статьи.

¹ Цитируем эту статью по переводу, помещенному в «Литературном наследстве» (1941, № 41—42, стр. 88).

² В книге «О развитии революционных идей в России» (1851) Герцен упоминал «le chef d'oeuvre de J. Tourguéneff — *Récits d'un chasseur*». См.: Герцен, Полн. собр. соч., изд. Ломке, т. VI (1919), стр. 269.

Визитка Г. Дюрана к рассказу „Песцы“.

(Парижское издание „Записок охотника“, 1856).

Визитка Г. Дюрана к рассказу „Бурмистр“.

(Парижское издание „Записок охотника“, 1856).

В поздних «Воспоминаниях об И. С. Тургеневе» М. М. Ковалевского есть любопытное место, которое странным образом до сих пор не обращало на себя внимания исследователей и не было ими комментировано ни с какой стороны. «Из разговоров с Иваном Сергеевичем я узнал, как сложилась его литературная репутация в Париже, — пишет Ковалевский. — Более всего содействовал ей Мериме, а за ним Ламартин».¹ В каком отношении ранней популяризации Тургенева во Франции способствовал Мериме, мы уже знаем; хорошо известна также история их позднейшей дружбы и переписка; об отношениях же Тургенева с Ламартином не упоминает ни один из исследователей русского писателя. Вероятно, заинтересован был этим и автор названных «Воспоминаний», потому что он занес в свою статью несколько пояснительных строк к этому сообщению на основании той же своей беседы с Тургеневым. О своем знакомстве с Ламартином, — пишет он, — «Тургенев рассказал мне следующий любопытный анекдот. Ламартин в последние годы своей жизни стал знакомить французскую публику с иностранными писателями; он издавал отрывки из их произведений, снабжал их своими предисловиями и послесловиями. Однажды очередь дошла и до Тургенева. Узнавши об этом, Мериме посоветовал Тургеневу заявить лично свою благодарность Ламартину. „Дорогой я стал придумывать, что мне сказать ему, — рассказывал мне Иван Сергеевич, — и придумал следующее: как муха, попавши раз в янтарь, переживает столетия, так я обязан вам тем, что не сразу исчезну из памяти французских читателей“. „Фраза-то придумана была недурно, — говорил по этому поводу Иван Сергеевич, — да мало было в ней правды. Ведь не муха же я, да и он не янтарь. И что же вышло? Как стал я говорить ему свою фразу, так и смешался; твердил: муха... янтарь... Но кто муха и кто янтарь — этого Ламартин так себе и не выяснил“».²

Из рассказа М. М. Ковалевского с несомненностью явствует: 1) что Тургенев придавал некоторое значение статье о нем Ламартина; 2) что он нашел нужным поблагодарить его за лестное внимание к себе и даже имел с ним беседу по этому поводу; 3) что инициатором визита Тургенева к Ламартину был Мериме. Однако ни обстоятельства этой встречи, ни время и место, когда она состоялась, ни самая статья Ламартина о Тургеневе, ни, наконец, поводы, благодаря которым она возникла, нам до сих пор не известны.

Обратим прежде всего внимание на то, что «анекдот», рассказанный Тургеневым М. М. Ковалевскому, носит на себе некоторые признаки стилизации. Возможно, что в беседе с Ламартином Тургенев, действительно, воспользовался уподоблением мухи и янтара для того, чтобы польстить

¹ М. М. Ковалевский. Воспоминания об И. С. Тургеневе, «Минувшие годы», 1908, № 8, стр. 14.

² Там же.

прославленному французскому поэту, но самое это уподобление имеет литературный источник, который он, конечно, хорошо знал и который мог быть известен также и Ламартину; едва ли поэтому Тургенев прямо решился бы на такое заимствование. В своей написанной для французских читателей работе «К истории религии и философии в Германии» Г. Гейне писал о Лессинге: «Многих малюсеньких писателишек он обволок остроумнейшей насмешкой, восхитительнейшим юмором, и они сохраняются на веки вечные в сочинениях Лессинга, как насекомые, попавшие в кусок янтаря».¹ Очень вероятно, что тургеневский «анекдот» восходит именно к этой известной цитате. Однако у Тургенева было тем меньше оснований воспользоваться ею, что у Гейне она имеет иронический смысл: речь идет не о прославлении «малюсеньких писателишек» «бессмертным» критиком, но об его насмешке над ними.

Нечто подобное, как увидим, Тургенев, действительно, мог думать впоследствии о статье Ламартина, но в момент знакомства с ее автором он несомненно был более учтив.

Для того, чтобы разобраться в дальнейших подробностях рассказа Тургенева в записи М. М. Ковалевского, существенную помощь могут оказать некоторые поздние сочинения Ламартина. Дело в том, что статья Ламартина о Тургеневе, действительно, существует, и в ней он не только дает характеристику русского писателя, но и рассказывает о знакомстве с ним. Оно состоялось летом 1861 года, и к этому же времени относится статья Ламартина, озаглавленная «Иван Тургенев».

Ламартин (1790—1869) был уже стар и давно пережил свою славу; его поэтическое своеобразие определилось и, в известной мере, даже исчерпало себя еще в 20-е годы в таких лирических сборниках, как «Méditations poétiques et religieuses» (1820) и «Harmonies» (1823 и 1830). «Сладкозвучным, но однообразным» называл Ламартина Пушкин в заметке 1830 года; интерес к нему в русской лирике, весьма сильный в начале 20-х годов, вместе с Полежаевым и ранним Тютчевым.² У себя на родине Ламартин

¹ Г. Гейне. Полное собрание сочинений, т. VII, изд. «Academia», М.—Л., 1936, стр. 94.

² Н. Сурнина. Русский Ламартин, в сб. «Русская поэзия XIX в.», Л., 1929, стр. 299—335; Henri Guillemin. Lamartine en Russie.—«Revue de Littérature comparée», 1934, р. 646—659. О Ламартине сравнительно редко вспоминали в русской печати 40—60-х годов. О «Ламартине—поэте и ораторе» писали в «Литературной газете» (1844, № 32, стр. 533—535); биографические очерки его были помещены в «Северном обозрении» (1848, I) и в «Живописном обозрении» (1858, № 11—12). Заметку о «Ламартине — издателе собственных творений» поместил «Москвитинин» (1849, II, № 5, март, № I, смесь, стр. 8); там же напечатаны были известия о «Возвращении Ламартина на Парнас» (т. I, смесь, стр. 81—83) и о «Свидании Ламартина с султаном Абдул Медшидом» (1852, № 7, VIII, стр. 103—107).

также являлся каким-то воплощенным анахронизмом, обломком отдаленного прошлого, благодаря случайностям судьбы занесенным в чуждый и посторонний ему мир. Его политическая роль закончилась еще с декабрьским переворотом 1852 года, когда этот прежний легитимист, ненадолго вошедший в состав республиканского правительства 1848 года, скомпрометировавший себя и перед консерваторами — союзом с Ледрю Ролленом, — а затем и перед радикалами — сближением с Кавеньяком, — принужден был окончательно и навсегда уйти с политического поприща. Его «История жирондистов» (1847) была, в сущности, последним его трудом, который лихорадочно читала вся Европа: за этим последовало быстрое падение его популярности и почти полное забвение. Ламартин, действительно, не был способен к политической деятельности; как «моралист в действии», живший в мире поэтических иллюзий, он в 1848—1851 годах противодействовал и консерваторам и радикалам, и войне и диктатуре, и полному осуществлению республики и восстановлению монархии: он противился всем течениям, защищая абстрактные добродетели и неприменимые формулы нравственного поведения, которым и сам не в состоянии был следовать. Переворот 1852 года заставил его уединиться, замкнуться, вовсе отойти от общественной деятельности.

Последнее двадцатилетие его жизни было медленной агонией умирания. Слава его тускнела постепенно, литературное дарование иссякало, судьба становилась к нему безжалостной. Обремененный чудовищными долгами и еще более беспомощный, чем прежде, в своих практических делах, но попрежнему щедрый не по средствам ко всем своим многочисленным прихлебателям, великодушный к чужому горю, но бессильный что-либо изменить в собственных привычках или поправить в своих стесненных обстоятельствах, — Ламартин сохранял, однако, и в нищете своих последних лет ореол своего прежнего величия. В его сердце, сердце игрока и художника, до конца его дней сохранились страсть к рискованным пред-

«Признания Ламартина» печатались в «Современнике» 1849 г. (кн. III, IV и VI) и 1850 г. (кн. IX, X, XII); по этому поводу Некрасов писал, что так как журнал должен знакомить своих читателей с произведениями иностранных литератур, то «уж если переводить, то, конечно, Ламартина, чем кого другого — имя это и у нас не опальное, и притом Записки Ламартина, по всей вероятности, наделают шуму во всей Европе» (Некрасов. Собр. соч., т. V, 1930, стр. 114—115). Свою некрологическую статью о Ламартине (помещенную, кстати, в том же номере «Вестника Европы», что и «Воспоминания о Белинском» Тургенева, и, вероятно, читанную Тургеневым) Л. А. Полонский начинал следующими характерными словами: «Едва ли какая-либо знаменитость нашего века до такой степени пережила самое себя, как Ламартин. Над тем периодом, тем настроением, которых он был представителем как поэт, образовалось уже несколько пластов когда-то новых, но давно постаревших движений, преданий, ошибок и разочарований. В памяти людей он давно лежал в могиле, гроб его глубоко опустился в землю, под десятком других, давно оплаканных, осужденных и забытых» («Вестник Европы», 1869, кн. 4, стр. 871—894). См. также отзыв о Ламартине в «Дневнике писателя» Достоевского 1876 года.

приятиям и надежды на лучшее будущее. Он любил свои замки, «зеленые ковры» своих виноградников, старые деревенские дома своих имений, которые с неумолимой последовательностью продавались один за другим, со всей их старой утварью, любимыми в детстве вещами, мебелью, картинами и сувенирами. Но он все же не сдавался. Продавался один дом, он в долг покупал другой и, зажатый в тиски банкирами, комиссионерами, посредниками всякого рода, темными дельцами Парижа и провинции, наживавшимися на его счет, он бежал от них в эти самые имения, уже предназначенные к близкой продаже, чтобы насладиться свежестью полей, ясностью весеннего неба, ароматом цветущих виноградников, которые должны были быть вскоре проданы и принести прибыль его кредиторам, их будущим владельцам. Когда в 1858 году долг Ламартина достиг трех миллионов франков, он вынужден был согласиться на унижительную национальную подписку в его пользу. Она не достигла необходимой цифры. В 1861 году за бесценно продано было заветное «Мийи» (Milly), с усадьбой, где он увидел свет, где прошли его детские годы; за ним последовало «Монсо», последний уголок, где он находил пристанище своему уединению и целительные силы, чтобы противостоять полному нравственному оцепенению. Сюда, в Монсо, уходил он порой в одиночестве пешком из Парижа, в дождь и непогоду, чтобы бродить по полям.¹

В более счастливые дни он продолжал работать. Между новыми вынужденными спекуляциями землями и виноградниками, посредническими замыслами обогащения за счет бездействующих рудников турецкого султана и проектов новых акционерных компаний, составленных в самом дифирамбическом стиле,² Ламартин брался за перо для осуществления многочисленных литературных предприятий. Он приступает к изданию своего «Нового путешествия на Восток» и шеститомной «Истории революции» (1851—1853), одновременно составляет серию жизнеописаний знаменитых людей для своего периодического издания «Le Civilisateur» (1852—1854), объединяет свои газетные фельетоны в *L'Histoire des Constituants* (1854), публикует «Историю Турции» (1855) и «Историю России» (1856), объявляет подписку на издание полного собрания своих сочинений, печатает, также по подписке, в 28 томах «*Cours familier de Littérature*» (1856—1859), где в популярной форме излагает памятники мировой литературы от Гомера и Эдды до Гете, Байрона и Гоффмана и попутно ведет речь о многом другом, и т. д.³ Хотя иногда

¹ Jean des Cognets. *La vie intérieure de Lamartine*, Paris, 1913, p. 434—437, 463—465; C. Latreille. *Les dernières années de Lamartine*, Paris, 1925.

² Jean des Cognets, *op. cit.*, p. 444.

³ Об этом издании существует — к сожалению, бывшая для меня недоступной — работа: Mary Stanley Hinrichs. *Le Cours familier de Littérature de Lamartine* (thèse de doctorat d'Univ. Strasbourg), Paris, 1930, пытающаяся несколько оправдать значение этого много томного труда Ламартина и, кстати, ставящая попутно вопрос

перо выпадает у него из рук от усталости и напряжения, Ламартин трудится неутомимо, хотя и без столь необходимого ему материального успеха. Журналы высмеивают его, карикатуристы над ним издеваются, изображая его, «Велизарием с моста искусств», умоляющим прохожих, как о милостине, о подписке на свои пухлые, но бессодержательные издания.¹ В одном из писем к своему другу Гюберу-Саладену (24 октября 1862 года) Ламартин пишет: «За последние три месяца я уплатил 500000 франков; теперь вновь нужно приниматься за работу...»²

* * *

Именно к этому времени относится статья Ламартина о Тургеневе. Быть может, она вошла как случайное звено в серию этих бесконечных и безуспешных литературных предприятий Ламартина накануне его полного разорения и нищеты; она сбивчива, написана наспех, изобилует смѣшными и досадными для русского читателя фактическими ошибками и суждениями, но в ней есть и нечто другое — личная заинтересованность, волнующая искренность впечатления. Лишь спешность работы и обстоятельства помешали Ламартину быть точнее в своей оценке и высказаться до конца; тем не менее, то тут, то там в этой статье чувствуется рука подлинного художника. Недаром она была спасена от полного забвения, которого не избежали большинство сочинений Ламартина поздних лет. Вскоре после его смерти она переиздана была в третьем томике его статей, озаглавленном «Souvenirs et portraits» (1872).³

Эта статья начинается так: «Я немного знаю Тургенева. Задержавшись один в Париже в 1861 году во время знойного лета, я однажды в праздности открыл одну из его книг „Русские охотники“ («Les chasseurs russes»). Я провел много одиноких часов во время дневной жары, лениво растянувшись на диване в темной комнате, в ожидании, что солнце опустится к закату и позволит мне подышать на свежем ветерке в лесах Медона. Я читал это первое произведение Тургенева и старался продлить насколько возможно удовольствие, часто откладывая томик на колени и наслаждаясь наивными нравами и очаровательными картинами, восхитительное собрание которых давала мне каждая из этих новелл. Когда я кончил свое чтение, я постарался достать себе все из его сочинений, что существовало в переводах и что помогло бы мне насла-

о его чтениях в конце 50-х годов. О кругозоре Ламартина в области мировой литературы см.: Jean Baillou et Ethel Harris. *Etat présent des études Lamartiniennes*, Paris, (1932), p. 75—81.

¹ Marcel Paquet в «Revue d'Histoire Littérature de la France», 1929, t. 36, p. 117.

² Ch. Fournet. *Un genevois cosmopolite ami de Lamartine*, Hubert-Saladin, Paris 1932, p. 272, 274, 277.

³ A. de Lamartine. *Souvenirs et portraits*, t. III, Paris, Hachette: «Ivan Tourguenoff», p. 339—345.

диться этим писателем. Я провел вместе с ним и благодаря ему целое лето в том же восторге воображения. Я узнал, что он живет в Париже. Вмешательство одной образованной женщины, космополитки, прелестной и своим обликом и по своему уму, доставило мне удовольствие познакомиться с ним. Он дал мне все свои сочинения; я увез их с собой в деревню; я бы хотел увезти их автора».

Остановимся несколько на этом вступлении: фактические данные, которые в нем содержатся, как видим, не вполне согласуются с теми, которые сам Тургенев сообщил о Ламартине в своей беседе с М. М. Ковалевским. В самом деле, если Тургенев утверждает, что он отправился к Ламартину по совету Мериме, чтобы поблагодарить старого поэта за лестное к себе внимание после появления статьи о себе, то Ламартин утверждает, что он сам был инициатором их встречи. Если эта встреча, действительно, относится к 1861 году, как утверждает Ламартин, то она могла состояться лишь поздней осенью, так как Тургенев уехал из Парижа 3 мая (21 апреля *гг. ст.*) и вернулся туда 28 (16) сентября. Посредничество Мериме в данном случае приходится подвергнуть значительным сомнениям и по существу, и по той причине, что как раз в этом году Тургенев с Мериме не встречался. Напротив того, ссылка Ламартина на вмешательство и помощь ему одной образованной женщины, «космополитки», которая и доставила ему знакомство с Тургеневым, представляется вполне правдоподобной; более того, хотя она и не названа Ламартином по имени, но, думается, мы в состоянии догадаться, кого он имеет в виду.

Среди немногочисленных друзей Ламартина, сохранивших близость к нему в поздние годы его жизни, мы находим, между прочим, графа Адольфа Сиркура (1801—1879).¹ С ним Ламартин связывала давняя дружба, оставшаяся неизменной в течение более чем тридцати лет, несмотря на многие превратности судьбы и различия их карьеры. Еще в 1827 году, в парижском салоне М-ме де ла Тур, Сиркур познакомился с русской девушкой Анастасией Семеновной Хлюстиной и вскоре на ней женился. Они уехали в Швейцарию, вращаясь не столько в салонах легитимистов, которых июльская революция 1830 года выбросила из Парижа, сколько в кругах представителей литературы и науки. Молодая чета Сиркуров была близка с Констанами, де Кандоллем, М-ме Неккер де Соссюр — кузиной М-ме де Сталь — и состояла в деятельной переписке с Бонштеттенем и Сисмонди. В своем очерке о Бонштеттене Сент-Бев цитирует отрывки из писем этого швейцарского писателя, некогда близкого Карамзину, к Хлюстиной-Сиркур и отзывается о ней как о молодой женщине «большого ума (*d'une intelligence généreuse*), симпатичной, откры-

¹ Биографию его написал другой близкий друг Ламартина — Hubert-Saladin (*Le comte de Circourt, son temps, ses écrits, son salon, ses correspondances*, Paris, 1831). Об этой биографии и о друзьях Ламартина в последние годы его жизни см.: Ch. Fournet. *Un genevois cosmopolite ami de Lamartine*, Hubert-Saladin, Paris, 1932, p. 230—234.

той для всего, что благородно и красиво».¹ Впрочем, она не забывала о своей родине и вместе с мужем интересовалась русской литературой, печатая в Женевской «Bibliothèque Universelle» в конце 20—30-х годов статьи о современном состоянии русской литературы, о Пушкине и других русских поэтах. В 30—40-х годах Сиркуры несколько раз приезжали в Россию, имели много знакомств в литературных кругах Петербурга и Москвы, были особенно близки к А. И. Тургеневу и П. Я. Чаадаеву. Вероятно знакомство Сиркура также и с Пушкиным, который, с другой стороны, близко знал также брата Анастасии Семеновны — Семена Семеновича Хлюстина.² Начало дружеских связей Ламартина с Сиркуром относится к концу 20-х годов, когда оба они действовали на дипломатическом поприще. В это время предполагалось, например, что Ламартин будет отправлен французским посланником в Афины, Сиркур же ожидал назначения в качестве секретаря этого посольства. Когда в конце 30-х годов Сиркуры, после долголетних скитаний по Европе, вернулись в Париж (около 1837 года) и Анастасия Сиркур открыла свой салон на Rue des Saussées, жена Ламартина стала одной из ее самых интимных приятельниц. Несмотря на последующие перерывы в личном общении, дружба Ламартинов и Сиркуров продолжалась и далее. Так, когда с 1848 года граф Сиркур вновь вернулся к дипломатической службе, именно Ламартин, бывший тогда у власти, назначил его посланником в Пруссию. Наконец, в 1853 году Сиркуры поселились неподалеку от Парижа, сохраняя, впрочем, за собой и свой парижский дом, где они периодически продолжали свои приемы; это были самые блестящие годы салона. Во все это время вплоть до смерти Хлюстиной-Сиркур дружеские связи ее с Ламартинами продолжались: может быть, никогда ранее они не были столь крепкими, как теперь. Для старика Ламартина после 1852 года, в тяжелый для него период горя, нищеты и поденного литературного труда, Адольф Сиркур до конца остался одним из его преданных советников и друзей.³

«Коринна-Сиркур», как ее в шутку называл А. И. Тургенев, скорее всего и была той самой «космополиткой», вмешательству которой Ламартин и был обязан своим знакомством с И. С. Тургеневым. Близость Сиркуров с Александром и Николаем Тургеневыми, естественно, могла способствовать установлению связи с их племянником, Иваном Сергеевичем. «Космополитка» А. С. Хлюстина-Сиркур, однако, никогда не теряла из виду своих соотечественников и с давних пор всеми способами содействовала дружественному франко-русскому литературному сближению. И. С. Тургенев в ранние годы своей жизни во Франции и первых своих успехов в Париже в качестве русского писателя едва ли

¹ Sainte-Beuve. *Causeries du Lundi*, vol. XIV, p. 472—473.

² Остафьевский архив, т. III, стр. 635—636; *Летописи Государственного Литературного музея*, т. I, М., 1936, стр. 336—337; «Звенья», V, М., 1935, стр. 214.

³ Ch. Fournet, *op. cit.*, p. 234 и сл.

мог пройти мимо ее внимания; впрочем, об их личных отношениях существуют и некоторые фактические указания. Так, Н. В. Щербань прямо говорит об их коротком знакомстве в начале 60-х годов.¹ Наконец, и характеристика Ламартином той женщины, которая познакомила его с автором «Записок охотника», отнюдь не противоречит ее облику, как он раскрывается нам из отзывов других ее парижских друзей. К сожалению, мы не имеем никаких других данных об обстоятельствах, при которых произошло знакомство Тургенева с Ламартином; неясным остается вопрос, был ли это визит Тургенева к Ламартину, как утверждал сам Иван Сергеевич, или, например, они могли встретиться у Сиркуров; от дальнейших догадок приходится воздержаться в ожидании дополнительных разъяснений.²

Во всяком случае, графиню ли Сиркур имел Ламартин в виду в этом случае или какое-либо иное лицо, именно ей он мог быть обязан некоторыми своими сведениями о русской литературе вообще. Впрочем, в прежние годы Ламартин заключил много русских знакомств, а русской поэзией интересовался он еще в 20-е годы, следовательно, чуть ли не за сорок лет перед тем. В 20-е годы во Флоренции он встречался с многочисленными членами русской колонии, в частности с Д. П. Бутурлиным;³ в 30-е годы в Париже, нередко встречаясь с А. С. Тургеневым, он получил от него дословные переводы нескольких стихотворений Пушкина и Кольцова,⁴ в 1838 году познакомился с П. А. Вяземским;⁵ был Ламартин знаком также с Жуковским, со многими представителями семьи Голицыных и т. д.⁶

¹ Н. В. Щербань (Тридцать два письма И. С. Тургенева и воспоминания о нем. 1861—1875. «Русский вестник», 1890, № 7, стр. 9, 10—11) пишет: «По вечерам сживал он [Тургенев] обыкновенно у Виардо или в салонах Н. И. Тургенева и графа де-Сиркура, где его очень баловали, особенно дамы, отзывчивые на женственность его души и сердца. Сам он посещал гостиные Николая Ивановича и графини де Сиркур с большим удовольствием, — если не забывал приглашений».

² К сожалению, мне была недоступна изданная недавно переписка Ламартина последнего периода его жизни, которая могла бы содействовать разрешению всех этих вопросов: Lamartine, *Lettres des années sombres. 1853—1857. Avec une introduction et des notes par Henri Guillemin*, Fribourg, ed. de la Librairie de l'Université, 1942, 223.

³ «Русский архив», 1897, II стр. 47, 62. О связях с русскими Ламартина в итальянский период его жизни см. еще в письмах Д. И. Долгорукова («Русский архив», 1914, № 12, стр. 571, 573; 1915, № 1, стр. 64, 75).

⁴ М. П. Алексеев. Пушкин на западе, «Временник Пушкинской комиссии», вып. 3, Л., 1937, стр. 121, 139—140. У Ламартина А. И. Тургенев бывал и с ним встречался много лет подряд; ср.: Остафьевский архив, т. III, стр. 289, 301; «Русский архив», 1896, № 2, стр. 202; Письма Александра Тургенева Булгаковым, М., 1939, стр. 255.

⁵ П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. VII, СПб., 1882, стр. 474; т. IX, СПб., 1884, стр. 198.

⁶ Ряд неопубликованных писем Ламартина (в том числе к С. П. Голицыной, начала 60-х годов) хранятся в Института литературы (Пушкинском доме) Академии Наук СССР.

Правда, все это не очень содействовало его хорошему знакомству с русскими писателями. Суждения о них Ламартина были сбивчивы и отличались неточностями. Лишь в своей «Истории России» (1855), составленной по иностранным источникам, он смог довольно толково рассказать (в 10-й книге II тома) историю декабристов и дать характеристику некоторых декабристов-поэтов: Рылеева (Conrad Ryléief), который «appelait par la mélancolie de ses vers et par son courage André Chénier, le poète français qui savait chanter et mourir» («напоминал меланхолией своих стихов и своим мужеством французского поэта Андре Шенье, который знал, как нужно петь и умирать»), Александра Бестужева, «ami dévoué de Ryléief» («преданного друга Рылеева»), А. И. Одоевского и др. В этой книге Ламартин, между прочим, бесстрашно транскрибировал несколько русских слов и фраз, например «strastvoustié rebeti», что значит «Bonjour, mes enfants, или «fourashka», т. е. «la casquette militaire».¹ Но пять лет спустя в статье о Тургеневе Ламартину почти изменили и эти его скудные познания. Его передача биографии Тургенева изобилует курьезами. Он называет Ивана Сергеевича «графом», много рассказывает о его наружности, что заставляет предположить, что он внимательно вглядывался в его лицо во время их беседы. «Об его благородном происхождении свидетельствует весь его облик. Он и в самом деле родился в родовитой дворянской семье Восточной России, в Орле. Его семья, воспитав его среди полей и снегов Тульской губернии, отправила его доканчивать образование в Петербург и Москву, а затем усовершенствоваться в Берлине среди образованных немцев, которые имеют Гете в качестве поэта и Гегеля — в качестве философа. Он закончил свое образование и возвратился в Россию, уже поэтом и философом, чтобы служить своему императору... Так как война не возбудила его честолюбия, он отправился в Германию и явился в Париж, чтобы позаботиться о воспитании девочки, которую он называет своей дочерью. Здесь он уже в обществе дочери, книг, избранных друзей и немногих соотечественников время от времени уезжал в Россию, чтобы навестить свои имения и оживить в своем сердце воспоминания о своем счастливом детстве; космополит по своему местожительству, москвит в своем сердце, он может служить образцом человека».

Краткую биографию Тургенева Ламартин продолжает и в следующей главе своего очерка. Он упоминает, например, о том, что Тургенев дебютировал в Петербурге в одном литературном журнале своими «Очерками» («Essais»), которые произвели живое впечатление, что они раскрыли его талант, что он продолжал их в Берлине «после того, как покинул военную службу» (I). «Наконец, он прибыл во Францию, в страну, к которой он привязался по влечению сердца и ради искусства». «Вот все, что я знаю о Тургеневе до настоящего времени», — заключает Ламартин.

¹ Lamartine. Histoire de la Russie, t. II, Paris, p. 337—333, 349, 287 и др.

Как ни досадны его промахи, как ни очевидны его недосмотры, любопытно то, что эта биография «графа Тургенева» была все же, вероятно, первой его французской биографией и что в ней сообщены многие такие подробности, которые Ламартин скорее всего мог узнать от него самого. И упоминание о дочери Полине, и имена Гете и Гегеля, со всем берлинским эпизодом его жизни, — все это были подробности, о которых не сообщил о Тургеневе ни один из писавших о нем до того времени французских критиков. Это допускает предположение, что Тургенев сам рассказал о себе Ламартину в момент их встречи и что эта встреча состоялась до того, как Ламартин написал свою статью о нем.

В дальнейшем Ламартин был, однако, вполне самостоятельным и пустился в рассуждения. Ему показалось вполне естественным, что Тургенев, этот «безупречный иностранный дворянин» (*le parfait gentilhomme étranger*), «натурализовался, благодаря своему гению, в истинном отечестве литературы», т. е. в Париже. «Я говорю, благодаря своему гению, и говорю это не из вежливости». Следует рассуждение о том, чем отличаются гении от талантов, имеющее для нас второстепенный интерес; естественно, что Ламартин утверждает обыденность второго термина и редкость случаев, когда писателю может быть присвоено первое определение. «Есть много талантов в нашей стране; гении здесь так же редки, как и во всяком другом месте». Он подразумевает под гением «оригинальность, которая поражает вас с первого взгляда в писателе или политике». И вот именно эту оригинальность он и считает характерной для Тургенева.

Для Ламартина Тургенев прежде всего представляет собой выдающееся явление русской литературы. Эта литература еще молода и незрела. «Трудно, — пишет он, — характеризовать ее с помощью одного из тех великих имен, которые встречаются раз в столетие. Она еще не достигла до того зрелого возраста, когда имена людей служат для обозначения наций. Она молода, неуверенна, подражательна, пестра и неодинакова, как дети. Она бьет в ладоши, когда ей удастся походить на немцев эпохи Гете и Шиллера, на англичан эпохи Шекспира, Байрона, В. Скотта или французов эпохи Вольтера или неопределенной эпохи эмиграции, периода двух де Местров. Нельзя не признать в Тургеневе некоторого сходства с автором „Прокаженного из города Аосты“, более молодым и более оригинальным из двух де Местров, в особенности в трогательной истории о Муму и глухонемом». По мнению Ламартина, даже трудно сказать, кто из них наиболее патетичен — Ксавье де Местр или Тургенев. Но де Местр — «источник, скрытый в альпийских горах, Тургенев же неистощим, велик и обилен, как река в Московии, которая несет свои воды в Крымское море или Балтику, по русским равнинам». Его единственный недостаток, — продолжает фантазировать о Тургеневе Ламартин, — в том, что он еще не нашел и не изобрел, подобно Бальзаку или М-ме Санд, «одного из тех обширных человеческих сюжетов, с помощью которых писатель, собирая в одном общем центре всех детей своего воображения,

составляет картину, позволяющую ему схватить всего человека, вместо того чтобы писать отраженные портреты слишком малого формата. Но Тургенев еще молод, а мир, на который он взирает теперь с более общей точки зрения, быть может, доставит ему более идеальные концепции, достойные его блестящего таланта».

Остановившись далее на «Очерках» («Essaïs» Тургенева, т. е., повидимому, на «Записках охотника». Ламартин считает их «дагерротипом московской природы и жизни». Его восхищает здесь все: множество лиц, очерченных метко и живо, хотя и столь не похожих друг на друга, помещиков, старост, крестьян, этих вчерашних рабов, сегодня уже свободных (что свидетельствует о том, что статья писалась в конце 1861 года), сохранивших всю прелесть душевной чистоты посреди грубости и невежества, картины сельской жизни, овеянные легкой печалью и несравненной красоты; все это полно такой тонкой живописности, что этого «художника степей» можно читать без конца и без всякого утомления. Под его пером все живет, все дышит, все полно поэтической правды. Начинаешь любить этих людей, радоваться их счастью, печалиться их горестями... Его талант, новый, свежий, оригинальный и тонкий, — никакое искусство композиции не в состоянии было бы превзойти его в общем построении и деталях. Все здесь на месте, все логика, все списано с природы. И вместе с тем эта книга не могла быть написана нигде, кроме России, и только русским. Он является зарей русской литературы, которая с его помощью входит в мир (*s'introduit ... dans le monde*).

Такова статья Ламартина. Что бы ни утверждал о ней впоследствии Тургенев, она должна была сильно польстить его самолюбию. Эта статья вводила его в мировую литературу более уверенной рукой, чем это сделал Мериме в цитированной выше статье 1854 года «Литература и крепостничество в России». Присущей Мериме сдержанности, сухости, трезвости — у Ламартина и в данном случае противостоит взволнованность и лиризм. В некоторых отношениях он лучше понял Тургенева, а заключительные слова его статьи предвосхитили более поздние суждения о Тургеневе И. Тэна, Флобера и Мопассана. Ламартин первый серьезно заговорил во Франции о Тургеневе как о художнике, если не считать гораздо более осторожных и высказанных *ad hoc* замечаний Мериме или Барбе д'Оревильи. И нужно знать более подробно обстоятельства последнего десятилетия жизни Ламартина, чтобы иметь возможность понять, как случилось, что этот старый романтик смог оценить реалистическую манеру, казалось бы, столь чуждого ему писателя-«москвиты». Мы думаем, что Ламартин был искренне увлечен чтением Тургенева и взялся за статью о нем не только ради заработка. Его суждения подчас наивны, но они отличаются подкупающей искренностью; даже сопоставление «Муму» с «Прокляженным из города Аосты» не столь неожиданно, как это может показаться с первого взгляда. В русской научной литературе о Тургеневе существует особое исследование, пытающееся — без всякой зависимости от Ламартина —

сравнить рассказ Тургенева «Живые мощи» с указанной повестью Ксавье де Местра, правда, без сколько-нибудь существенных результатов.¹ Упоминание Ламартином «Муму», кстати сказать, подтверждает, что ему были известны не одни лишь «Записки охотника» и что последние он также знал не в переводе Шаррьера; скорее всего, перед ним были изданные в 1858 году «*Récits d'un chasseur*» в переводе Делава и «*Scènes de la vie Russe*» — в переводе Кс. Мармье. Перевод «Муму» был помещен в «*Revue des Deux Mondes*» (1856).

Между тем Тургенев, недолюбливавший Ламартина как поэта, оказался несправедливым к его памяти. Когда статья Ламартина была перепечатана в третьем томике его «*Souvenirs et portraits*» (1872), она вскоре же попала на глаза П. В. Анненкову. Он тотчас же написал об этом Тургеневу (14 октября 1872 года): «Я своим глазам не верил, читая в последнем томе „Сувениров и портретов“ Ламартина статью „Иван Тургенев“. Должно быть я уже отвык от французской фразеологии. Что это такое? Как еще ни приятно щекогал мое дружеское и даже национальное чувство восторженный тон статьи, но от восклицания „что это за гороховый шут Ламартин!“ я не мог удержаться, видит бог. И кто это давал ему биографические сведения о вас? В каком это полку вы служили? Уж не ординарцем ли у Тимашева? А потом: „он, Тургенев, соединяет воинственность и суровость скифа с мягкостью и податливостью славянина!“ А потом — „высокий лоб его, Тургенева, осененный густыми волосами, походит на древний храм в тени священной рощи!“ А потом оценка произведений и разительное сходство ваше с де Местром! Какая досада, что не с кем было посмеяться, и принужден был я ограничиться глупейшим хихиканьем в одиночку и втихомолку. Но скажите ради бога, почему же это непременно надо быть ослом даже и гениальному французу, как только он потянет носом другой воздух, чем тот, какой сам напустил!»² Тургенев отвечал (17/5 октября 1872 года): «В 40-х годах мои приятели дразнили меня откапыванием моих стихотворных грехов, к несчастью, напечатанных, а в 70-х годах вы, злодейский *Bücherwurm*, откопали эту ламартиновскую нелепость, которую я полагал давно поглощенной волнами забвения. Но там я, по крайней мере, был виноват сам: а тут я — как Христос перед жидами! Ламартин в последние годы своей жизни, всячески разоренный, придумал следующую комбинацию: брал у какого-нибудь автора, своего или чужого, страниц 60 или 80 из его сочинений, предпосылал им в виде биографически-критической оценки безумные похвалы (так, например, он поставил некоего провансальского поэта Мистрала выше Гомера и т. д.), вероятно для того, чтобы обезоружить их и издателей, и продавал это под названием „*Conversations littéraires*“. В числе прочих

¹ Я. Юзefович. Рассказ «Живые мощи» Тургенева и «*Le lépreux de la cité d'Aoste*», «Русский филологический вестник», 1909, III—IV.

² «Русское обозрение», 1898, № 5, стр. 12—13.

попался и я. И я живо помню, как я был огорошен, когда я в один прекрасный день нашел эту «шшь» на моем столе. „Ну! подумал я, вот материал для „Искры“! Но ламартиновщина, к счастью, не проникла в Россию, и, таким образом, все осталось шито-крыто, пока нашелся старинный приятель и распорол все швы. Но я знаю, что это дальше не пойдет. И хоть бы я часто виделся с Ламартином, беседовал с ним! Всего один раз у него обедал. И что он врал про свой геройский поступок в 1848 году! Меня предупреждали, что он сочинял, как Мюнхгаузен, и все же я дивился! Но то, что вы говорите о неспособности французов понимать не свое и об их невежестве, до сих пор совершенно верно».¹

Если сравнить этот рассказ Тургенева со всеми вышеприведенными данными, то он в своей фактической части, повидимому, окажется гораздо ближе к истине, чем его же рассказ М. Ковалевскому. Речь идет несомненно о той же встрече его с Ламартином, которая состоялась в 1861 году. Но была ли она единственной? Ведь в своей статье Ламартин уже говорит о личном, хотя и не близком знакомстве с ним. Если Тургенев, как сам утверждает, «один раз у него обедал», то было бы интересно знать, состоялось ли это до или после выхода в свет соответствующего выпуска «Conversations Littéraires» Ламартина, так как мы лучше могли бы представить себе, кто был инициатором знакомства: Тургенев ли, отправившийся благодарить Ламартина, или же сам Ламартин, как он утверждает. Совершенно неясными представляются здесь и роли устроительницы знакомства, «космополитки», предполагаемой Сиркур, и советника Мериме. Весьма вероятно, что состоялась не одна, а, по крайней мере, две встречи, одна — до появления статьи, другая — после. Только так можно было бы привести к некоторому согласованию многочисленные противоречия, возникающие из собранных нами данных. И тем не менее, по крайней мере в одном отношении, рассказ Тургенева о Ламартине, записанный М. М. Ковалевским и составившийся гораздо позже, чем приведенное письмо Тургенева к Анненкову, заслуживает большей веры — в оценке значения статьи Ламартина для популяризации Тургенева во Франции: престарелый автор «Жюслена», действительно, содействовал этому вслед за Мериме и в немалой степени.